

An abstract painting featuring a dense, chaotic web of red and black lines overlaid on a textured, greenish-yellow background. The lines are thin and sharp, creating a complex, almost crystalline structure. The overall effect is one of intense energy and complexity. A circular age rating '16+' is visible in the top right corner of the painting.

16+

Сергей Кулаков

Тем, кто падает
сборник стихотворений

Сергей Кулаков
Тем, кто падает

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кулаков С. А.

Тем, кто падает / С. А. Кулаков — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Икар не слушал когда-то своего отца, упал и погиб. Все мы, начиная с Адама, ступаем по такому пути и, в конце концов, падаем. Не следует думать, что падение случилось когда-то давно, и к нам оно не имеет никакого отношения. Оно совершается здесь и сейчас. Падение, это образ смерти. Однако, в предлагаемом сборнике стихов, говорится не только о неизбежности падения для каждого, кто вошел в этот мир...

Содержание

Я разрушенье произвел руками...	5
он отвергает чудеса	9
Как в раю?	11
Ссора.	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Я разрушенье произвел руками...

Своими (да, вот этими!) руками
я разрушенье произвел. Что было
сотворено – разворотил. Устами,
которыми произносил названья
всего, всего, всего – как будто данью
опутывал и отпускал – уныло
лгал, не ведая ещё, что натворил.
Всё сжалось там, внутри. Так липко, мерзко
катились капли по хребту, и холод,
пробравшись, под кожей лез теперь ползком.
Что делать мне? Что делать мне? Что делать?
Дрожит, боится, пропадает тело,
а Голос-без-дыханья слово молвит.
Круг огненный, и шелест легких крыл...
Куда идти теперь? Искать где крова?
Вокруг сухая почва лишь, да камни –
ни кустика нигде. Земля сурово
закована кошмарами ночными.
Плачь, сердце, плачь! Вот этими, своими,
я разрушенье произвел руками...
* * *
Где же царство твоё, если ты царь?
И одежда скромна, и жильё убого,
Да и свиты из одного лица

Не бывает (лицо это смотрит строго
В отраженье). Кто же тогда сказал,
Что владеешь ты царством, а значит – царь?
Может это роль из чужой игры,
Но куда же попрятались те, другие?
Где послы издалёка, где дары,
Что они тебе везли, дорогие?
Не блестит постылый блеск мишуры...
Вряд ли ты актёр из чужой игры.
Кто ты? Странник в этом краю земном
Или гость желанный в мирах незримых?
Добыватель слов, тайнозритель снов,
Целующий уголь в клещах серафима...
Говори, что тебе открылось, но –
Ты чужой в жестоком краю земном.
* *
*
быть может море метит всех печалью
и одиночество сидит занозой
но как нам годы вынести пустые
не скрашенные к женщине любовью,
ни радостью чудес ни жаждой славы?
уходит жизни время так же быстро
как настаёт день новый после ночи
и колется кувшин веревка рвется
и колесо валится над колодцем...

мы в прошлом исчезаем словно слезы

упавшие теряются в дожде

* * *

А.Г.

Черно-белый фильм, а в нем: туман,

грязь и снег... Из грязи и тумана

кто-то смотрит, смотрит необманно:

«Погляди и ты, мил-друг, на нас...»

Лента целлулоида, игра,

только отчего актерства нету?

Может, персонаж за кадром где-то

был, а в герои вышел задний план?!

Или оттого, что не актер

важен здесь, а человек в обличьи

этого актера – преобычный

человек... Что ж, может быть и так.

Разве важно, если время жмет,

дышит прямо нам в лицо с экрана?

Разве важно, если сердце станет

из-за этой правды вдруг болеть?

Жизнь опять – до мелочей – создать!

Как ван Рейн, из полутьмы и света

рисовать: ожившие портреты

тех людей, и вещи, и пейзаж...

Только почему потом тоска?

Может, время было так жестоко

или бессердечно кинооко,

или правда режет нам сердца?

ОН ОТВЕРГАЕТ ЧУДЕСА

взгляд опустив, вопрос мой принимая,

он отвечает: «Нет-нет-нет, я верю...

Ну, не в Него, конечно – это дико,

и старомодно. Разве в наше время

на эти пустяки ещё есть время?

(За тавтологию я извиняюсь.)

В наш просвещенный век предпочитаю

надеяться на логику и разум,

чем доверять легендам этим древним.

Но, что-то есть, бесспорно... Впрочем, нами

Как всем, пожалуй, управляет случай.»

– А как же чудеса? Ведь их повсюду

Господь с избытком преподносит людям...

И он ответил мне, не дрогнув бровью:

«С чем не знаком, о том не стану спорить.

Когда со мной произойдет – поверю

монахам и пророчествам старинным,

попам, их книгам путанным и темным,

а до тех пор я верю только в случай,

да в то ещё, что есть над нами что-то...»

На том наш разговор и прекратился.

Прошло два месяца, а, может, больше...

Мы встретились опять, но я «нахально»

уже не лез с вопросами о вере –
был сдержан, и вообще немногословен.

Он рассказал о том, что лишь неделю
назад, у самых ног его, свалился
фонарный столб, не навредив никак.

«Когда б ты только видел...» – говорил он.

И я ему: Не чудо разве это?

«Нет-нет, лишь случай, – продолжал упрямец –
лишь случай... разве чудеса такие?

Я чудо непременно распознал бы!»

Ещё немного мы поговорили,
и разошлись, но провожая взглядом
его, я думал: «Если столб фонарный
в цель угодил бы, вот тогда, быть может,
ты согласился с тем, что чудо было?

Зато другие, обсуждая это
событие, и языком поцокав,
решат, неспешно шествуя за гробом:
какой нелепый и ужасный случай...»

Как в раю?

В удаленной перспективе, где теперь я обитаю,
С севера на юг спустившись, в слабое подобье рая,
У подножья гор, у моря, в крохотном одном селеньи –
Живописны виды, только грубовато население.
Впрочем, здесь, среди природы, может ни к чему манеры?
Оттого и наглы дамы, и – пропойцы кавалеры...
В этой праздности и неге, чем пропитана здесь местность,
Раздражает и тревожит пресловутая телесность.
Ведь она желает пищи и желает развлечений,
А для этого у тела не всегда хватает денег,
Но трудиться неохота – потому что лень и нега;
Лучше закусить и выпить где-то у морского берега,
Но без денег... Вот, ведь, право, как устроено всё глупо!
Нет подобных мыслей только у богатых и у трупов,
А у тех, кто в южной лени обитать привыкли праздно,
Упомянутые мысли возникают ежечасно;
Может и гораздо реже, но с завидным постоянством,
Вот поэтому и – грубость, вот поэтому и – пьянство;
Вот поэтому, наверно, говорить, что эта местность,
Якобы подобна раю, неуместно. Пусть окрестность
Живописна и пригожа, и весьма приятна глазу,
Но людские отношенья – как и всюду – безобразны.
А ещё, в красотах этих, быстро или постепенно,

Тело будет неизбежно ожидать исчезновенья,
Ибо смерть и здесь когда-то постучится непременно,
Пусть у моря вы живете, но по-прежнему вы тленны.

Ссора.

... пустое говорить словами, о которых
Не станем даже вспоминать с тобой потом.
Тасуя, как колоду карт истертых, ртом
Фраз замусоленных метать друг в друга ворох –
Не речь, а гадости гортань изводит вон.
Где жемчуг? Тот, которым прежде можно было
Воде приказывать, повелевать светилом,
И оживлять костей сухих ужасный сонм...
Весь пыл уходит с самого утра на склоки.
Как отвратительны обычные слова
Бывают часто в перебранках, но едва
Утихла ссора, понимаешь: одиноки
Повсюду мы – и в необъятном мире,
И в маленькой, как скорлупа, квартире.
* * *
Я берег покидал. Душа была пуста.
Природа южная разнообразьем красок
роскошествовала, и увлекала трасса
от моря дальше, в горы. Здешние места
не радовали сердце, потому что нет
уж той, с кем мы напополам делили прежде

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.